

Смерть Элеоноры Дузе.

М. Известия. 23/IV 24.

НЬЮ-ЙОРК. 21 апреля. Скончалась знаменитая итальянская артистка Элеонора Дузе, находившаяся последнее время в Питсбурге на гастролях.

Еще недавно на страницах «Известий» промелькнула заметка, что Элеонора Дузе собирается в «Последнее турне» и посетит Мюнхен. Сегодня—телеграмма: Дузе умерла. Ушла в турне, «откуда нет возврата».

С ней вместе ушла одна из прекраснейших, одна из ароматнейших глав старого театра. И одна из последних.

Дузе в полном смысле слова—дитя кулис. Дитя одной из тех **цеховых** семей комедиантов, где ремесло передавалось из поколения в поколение, от деда к отцу, от отца к сыну или дочери. Даже родилась она как-то по актерски, в пути, в вагоне железной дороги, около Венеции, третьего октября 1859 года. Ее дед Луиджи Дузе—актер-комик, ее отец Алессандро—актер и декоратор, ее мать Анжелика—актриса.

Полубродячей, полуищей семье был в тяжесть каждый лишний рот,—и с четырех лет маленькая Элеонора уже на сцене. Играет детей. Может быть, тяжелое детство и наложило ту печать красивой суровости, которой впоследствии было окрашено все ее творчество.

Впервые ее заметил известный итальянский актер Эммануэль и убедил директора Сантбруно, составлявшего труппу для неаполитанского театра, взять юную актрису.

Здесь, в Неаполе, был ее первый подлинный триумф в пьесе Эмиля Золя «Тереза Ракеш».

Следующий шаг—сам Ресор приглашает ее в свою труппу и сам выбирает для нее роль Пезариллы в пьесе Дюжардена «Жена Клода». Еще несколько ролей, и Дузе выдвигается в первый ряд по бедной драматическим дарованиям Италии.

Она общепризнана. Она параскват.

И все больше и больше, все глубже и глубже определяется тот основной тон, который намечался еще у бродяжничавшей девочки и который теперь приобретает обвевают все ее творчество—какой-то нежный, трогательный надрыв печали, необычайно хрупкой, необычайно пленительно, удивительно сочетавшейся со

всем ее внешним обликом—глубокими задумчивыми глазами, бархатным голозом, нежного склопенной набок головой. Всегда без «эффекта», без плакья, почти без грима, без парика.

Каким-то особым чутьем, отметающим всякий кривлявый, подчеркнутый эффект, она выбрасывала, например, в последнем акте «Норы», в сцене ухода от мужа, «знаменитый» обличающий монолог о «дулолке», о «припах женщины» и т. д. К чему? Один ее взгляд, когда она, стоя у печки, следит глазами за разъяренным мужем-собственником, говорит больше, чем вся эта публицистическая тирада феминистской пропатаиды,—и она ее выбрасывала. Она уходила тихо и глубоко. Слышно. Незабываемо.

Или в «Даме с камемиями», когда она обращается с мольбой к покидающему ее Армандо. Ни одного невысшенного слова. Ни одной истерической нотки. Полушопотом она бросает ему раз пятнадцать подряд одно только слово: «Армандо! Армандо! Армандо! Армандо!»... Но этого каскада, этой музыки интонаций па речевой (сурдипке шельза забыть.

А ее сближение с Габриэлем д'Антинцо. Какой роскошной кингой сыграных ролей поэта оно отмечено—«Джюконда», «Мертвый город», «Фрагческо да Римини». И как то-фаншетски, как грубо, как пиничко смеет итальянский «шириот» этот роман в своей «скандально-напугуешей кинке» «Огонь».

Уже в зените своей славы, в лучах огромного, мирового успеха, Элеонора Дузе бросает проклятие зрительному залу. «Чтобы спасти театр,—говорит она,—надо его разрушить. Актеры и актрисы должны умереть от чумы. Они отравляют воздух, они делают искусство невозможным. Не драму играют они, а скучные «слессы». Драма гибнет от кресел и лож, вечерних туалетов и людей, которые приходят, чтобы перевернуть свой обед».

Таков был приговор буржуазному театру величайшей актрисы его.